

Изучение Российской империи экспедициями 1760–1780-х гг.: «взгляд» естествоиспытателей и формирование представлений о государственных богатствах

А.В. БЕКАСОВА

Санкт-Петербургский филиал Института истории естествознания и техники им. С.И. Вавилова РАН, Санкт-Петербург, Россия; Sasha.Bekasova@gmail.com

Статья посвящена рассмотрению того, как формировались представления о природных ресурсах на материалах академических экспедиций 1760–1780 гг. по описанию и изучению территории Российской империи. Хотя о результатах этих экспедиций и их огромном значении для развития естествознания в России написано немало основательных исследований, прикладным аспектам их деятельности не было уделено должного внимания. Анализ процесса производства путевых наблюдений и создания экспедиционных описаний позволил выявить особую логику концепции «государственного домохозяйства», которая, заметно отличаясь от современных представлений о характере отношений человека и природы, в значительной степени определяла как ученые, так и бюрократические практики того времени. В центре внимания — отношение между местным практическим знанием, локальными интересами и государственными приемами описания и классификации, которые становились инструментами стандартизации и рационализации, и в конечном счете создавали сам объект изучения и управления — государственные ресурсы.

Ключевые слова: государственные ресурсы, камерализм, путевые описания и производство знания, академические экспедиции 1760–1780-х гг.

Введение

На протяжении всего XVIII столетия первоочередными задачами российской монархии были съемка, измерение и описание подвластных территорий и нанесение их на карты. Важное значение имело исследование природных богатств, выяснение численности и платежеспособности населения и его кодификация, сбор и систематизация сведений о приемах хозяйствования, народностях и племенах, проживающих на территории империи, их бытовых и культурных особенностях. Эта разнообразная деятельность по инвентаризации «государственного домохозяйства» и выявлению способов его интенсификации определялась материальными интересами монархов, их озабоченностью регулярными финансовыми поступлениями, численностью и боеспособностью армии и потребностями государственной безопасности. История изучения и использования ресурсов в Российской империи, как и в других странах, была тесно связана со сложными процессами государственного строительства и формированием особой социально-экономической системы — камерализма.

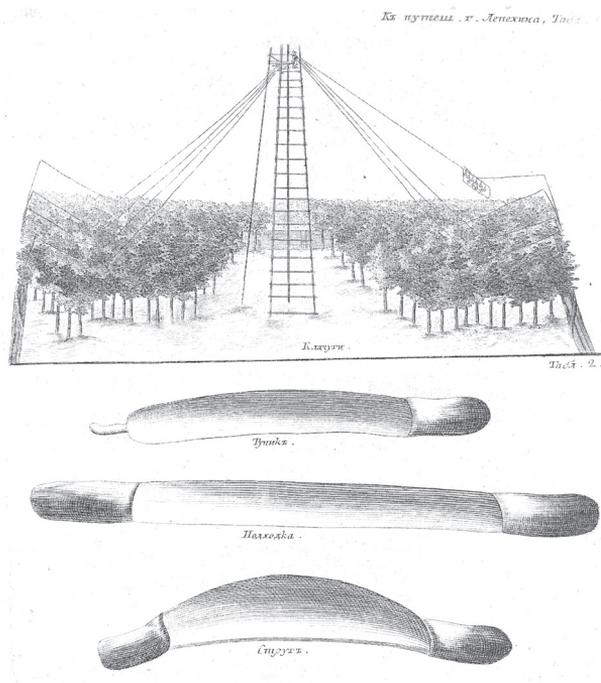
Важную роль в осуществлении целого ряда масштабных государственных проектов по картированию и исследованию территории играли такие учреждения, как Академия наук и Сенат, а позднее — Вольное экономическое общество. Заинтересованность, энтузиазм и амбиции отдельных представителей бюрократической элиты, ведомственные интересы и практические нужды бюрократических структур

(таких как Комерц-коллегия, Мануфактур-коллегия, Берг-коллегия и Медицинская коллегия) существенно влияли на формирование программ по изучению территории и населения империи, в которых значительное место занимали задачи прикладного характера. При этом различные ведомства старались сочетать анкетный способ обследования отдаленных территорий путем рассылки специальных опросников по губерниям с полевыми методами исследования.

Среди экспедиций, организованных для изучения территории Российской империи на протяжении XVIII в., серия академических экспедиций 1760–1780-х гг. занимает особое место. По удачному высказыванию Л.С. Берга, именно они открыли «всему свету новую часть мира — Россию» (Берг, 1946, с. 334). Их участниками была обследована и описана огромная территория Российской империи — от северо-западных и западных границ до Забайкалья, от русского побережья Северного Ледовитого океана до южных побережий Каспийского и Азовского морей, а также приграничные области Кавказа и Ирана. От предшествующих экспедиционных предприятий первой половины XVIII в. их отличало то обстоятельство, что информация и материалы, которые были получены в результате исследований, уже не рассматривались исключительно как государственная ведомственная собственность с ограниченной сферой доступа. Изначально предполагалась публикация материалов экспедиций, причем обязательно на нескольких языках, что и было осуществлено. Таким образом «открытие» России миру стало возможным благодаря изданию научных путевых описаний, состоящих из объемных томов, которые были опубликованы как на русском, так и на основных европейских языках. Некоторые из них были переизданы позднее, уже в начале XIX столетия в составе «Полного собрания ученых путешествий по России».

Обширная литература, посвященная истории экспедиционного изучения Российской империи в XVIII в., включает в себя как основательные исследования, так и многочисленные публикации источников¹. В этих работах рассматривается история организации и осуществления этих масштабных исследовательских предприятий и дается представление об их огромном значении для развития таких отраслей знания, как картография, география, естествознание, этнография, статистика. Однако внимание исследователей сфокусировано в большей степени на истории изучения Сибири и Дальнего Востока, в то время как о Европейской России, особенно ее центральной части, писали мало. Недостаточно внимания было уделено исследованию того, как в процессе экспедиционной деятельности 1760–1780-х гг. реализовывались практические прикладные задачи, поставленные перед естествоиспытателями, и как они были связаны с интенсификацией экономического освоения территории империи (в том числе и вновь присоединяемых земель) и рационализацией системы управления. Лишь некоторые аспекты этой важной проблемы были затронуты в работах Н.П. Никитина, В.Н. Тарановича, Н.Г. Фрадкина, А.Н. Шебунина (Никитин, 1950; Пименов, Эпштейн, 1958; Таранович, 1935; Шебунин, 1936; Фрадкин, 1948). Интересная попытка проанализировать представления о природных ресурсах в России XVIII в. была сделана Н.Н. Щербининой,

¹ Ориентироваться в обширной литературе мне очень помогли следующие библиографические справочники и специальные обзоры, которые дают представление об основных направлениях исследований (Зубов, 1956; Столянский, 1905; Тихомиров, 1956; Колчинский, Сытин, Смагина, 2004, особ. с. 206–240). Следует также упомянуть о вышедшей совсем недавно обстоятельной статье Дэвида Муна, посвященной исследованию академическими экспедициями степных районов Российской империи. См.: Moon, 2010.

Одна из иллюстраций к первому тому «Дневных записок» И.И. Лепехина. На ней изображена система приспособлений, с помощью которой жители города Владимира охраняли свои вишневые сады от птиц

но в своей кандидатской диссертации автор исследовала процесс формирования этих представлений исключительно в контексте истории географических идей (Щербина, 2005). В то же время нельзя не отметить, что программа прикладных исследований, поставленная перед академическими экспедициями 1760–1780-х гг., и ее реализация систематически не изучались. История экспедиционного изучения территории и населения Европейской части империи с точки зрения формирования представлений о государственных богатствах практически не рассматривалась в непосредственной связи с экономической и колонизационной политикой российской монархии в период царствования Екатерины II, в основе которой лежали камеральные принципы бюрократического управления.

В странах Европы складывались различные национальные модели камерализма, в силу особенностей их исторического развития и положения в системе международных отношений². Под камеральными науками понимали своеобразный синтез профессиональной университетской подготовки, практических эмпирических правил и экономической теории. Овладение камеральным знанием (*Kameralwissenschaft*) и умение использовать его в повседневной жизни должно было научить бюрократическую элиту рационально управлять «государственным домохозяйством». Среди прочего речь шла

²О камерализме и специфике его форм в рамках разных национальных моделей см.: Raef, 1983; Раев, 2000; Bodeker, 2001.

о полезном использовании произведений трех царств природы в целях благосостояния и процветания государства³.

Такие методы полевых исследований, как систематическое наблюдение, а также фиксация, отбор и коллекционирование объектов, их зарисовка, измерение, классификация, картирование и составление обобщающих экспедиционных описаний, являются средством производства знания и формирования определенных представлений о природе, ландшафтах и населении исследуемых территорий⁴. Путевые описания, как правило, представляли собой колонизационные нарративы, где местное знание и практики конструировались как варварские и нецивилизованные. Как показано в целом ряде блестящих работ по истории европейской науки, анализ логики и нарративной стратегии путевых текстов позволяет исследовать сложные взаимосвязи между культурами науки, путешествия и наблюдения, которые все были пронизаны отношениями власти⁵.

Задача этого исследования — обратиться к истории изучения и описания Российской империи академическими экспедициями второй половины XVIII в., сосредоточившись на детальном анализе самого процесса производства путевых наблюдений и создания описаний, чтобы понять, как формировалось в России представление о природных и людских ресурсах, какие факторы влияли на формирование «взгляда» путешественников-естествоиспытателей XVIII столетия, какие предметы и явления попадали в поле их пристального внимания, какими приемами они пользовались, описывая территорию империи и ее богатства. Таким образом, в центре внимания — отношения между местным практическим знанием, локальными интересами и теми приемами описания и классификации, которые исходили из имперского центра. Эти приемы становились инструментами стандартизации и рационализации и в конечном счете создавали сам объект изучения и управления — государственные ресурсы. Материалом для данного исследования послужили путевые описания Европейской части Российской империи руководителями отдельными экспедиционных отрядов — в большей степени П.С. Палласа, И.И. Лепехина, в меньшей — В.И. Зуева, С.Г. Гмелина и др. Кроме того, были использованы тексты академической инструкции и «проmemорий» различных государственных учреждений, в которых определялись программы исследований, а также бюрократическая и частная переписка того времени, связанная с организацией экспедиций и обобщением полученных результатов⁶.

³ О камерализме и специфике его форм в рамках разных национальных моделей существует обширная литература. Среди других интересными подходами выделяются работы Ханса Бедекера, Хенри Лоувуда, Элизабет Кернер (Bodeker, 2001; Lowood, 1990; Koerner, 1999). Об особенностях российской камеральной политики см.: Raef, 1983; Раев, 2000. О камеральном характере естественной истории в России XVIII — начала XIX в. см.: Куприянов, 1997, 2005.

⁴ На важность и перспективность изучения географических практик, т. е. различных форм практической деятельности, которая служит для получения нового знания и способствует его дальнейшей систематизации как основополагающей проблеме социальной истории науки, обращал внимание, в частности, А.Э. Каримов в своем исследовании истории земельного и лесного кадастра в России (Каримов, 2007).

⁵ Например, см.: Narrating the Arctic... 2002; Pratt, 1992; Sorlin, 2000 и 2006; Visions of Empire... 1996 и др.

⁶ В этой работе использованы следующие тексты экспедиционных описаний: Гмелин, 1771–1774; Зуев, 1787; Лепехин, 1771; Паллас, 1773–1778. Тексты инструкций для экспедиций 1768–1774 гг., разработанные Коммерц-коллегией и Медицинской коллегией, а также ВЭО,

«Взгляд» естествоиспытателей и экспедиционные описания

Ко второй половине XVIII в. практика фиксации полевых наблюдений имела уже продолжительную традицию. Она нашла отражение в многочисленных наставлениях путешествующим с учеными целями, где содержались рекомендации о том, как правильно вести эмпирические наблюдения и составлять описания. Некоторые из них были переведены на русский язык. В частности, «Наставление путешествующему» К. Линнея (переведенное с издания 1740 г.) было опубликовано В. Рубаном в 1771 г. (Линней, 1771). В руководстве содержались рекомендации по технике ведения наблюдений и способу их фиксации, а также предлагался подробный перечень предметов, тем и вопросов, на которые путешественнику с учеными целями следовало обратить внимание.

Помимо составления «географических примечаний или землеописания», примечаний «физических или естествословных», «каменословных», «ботанических» и «о животных», путешественник должен был уделить время работе над «домостроительными или экономическими особыми примечаниями», которые должны были служить «к выгоднейшему управлению жизни». Причем порядку составления экономических примечаний было посвящено около трети всего текста руководства. Местные промыслы, приемы хозяйствования, особенности домостроительства, рекомендовалось оценить с точки зрения их полезности (Линней, 1771, с. 22–32). Особый параграф наставления был посвящен описанию навыков, которыми необходимо было обладать человеку, отправляющемуся в ученое путешествие. В частности, он должен был «обучиться натуральной истории», иметь опыт ведения наблюдений, а также уметь рисовать. Особо оговаривалось то, как нужно правильно фиксировать наблюдения и составлять описание:

«В описании природы такой употреблять способ, дабы читающий описанные им вещи как бы собственными глазами рассматривал. На обманчивую память никогда не полагаться, но тотчас по обозрении виденного вносить все в записную книжку, не пропуская ни малейших учиненных при этом примечаний и не прежде ложиться спать, пока все не будет по порядку вписано в книгу. Это все делать сколько можно скрытее и осторожнее» (Линней, 1771, с. 8).

Благодаря тому что сам Линней серьезно интересовался результатами естественнаучного изучения Сибири, активно поддерживал связи с российскими естествоиспытателями и руководил обучением студентов из России в университете Упсалы, его идеи, в том числе касающиеся взаимодействия природы и экономики, были известны и получили распространение в России. Путевые описания Линнея служили некоторым естествоиспытателям, отправляющимся в экспедиции по Российской империи, в частности Гмелину, образцом для подражания. В текстах экспедиционных описаний, а также и в других публикациях российских естествоиспытателей содержится немало ссылок на его работы⁷.

«Оптика видения» определялась прежде всего государственным интересом, воплощенном в наборе специальных инструкций и рекомендаций, содержащих подробные

были опубликованы М.И. Сухомлиновым в примечаниях к биографии И.И. Лепехина (Сухомлинов, 1875, с. 472–481). Текст сводной генеральной инструкции опубликован Н.Г. Фрадким (Фрадкин, 1950).

⁷ О связях К. Линнея с Россией см.: Артемьева, 2007; Карл Линней... 1958.

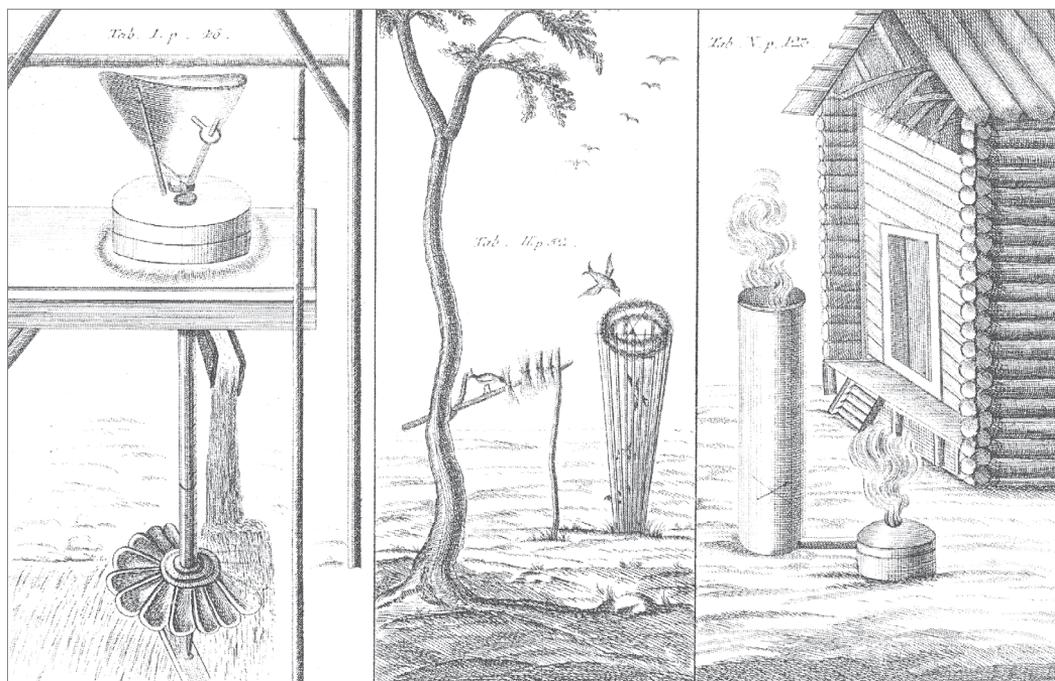
перечни вопросов, которые были разработаны Академией наук, Вольным экономическим обществом (далее – ВЭО), Медицинской коллегией и Комерц-коллегией. При подготовке инструкции и анонимные составители рекомендаций от коллегий, и сотрудники Академии наук, несомненно, опирались на опыт создания специальных опросников, которые еще с начала 1720-х гг. разрабатывались для рассылки по канцеляриям губерний, уездов и городов для сбора сведений о географических, природных и хозяйственных особенностях отдельных территорий. Задачи практического характера, которые ставились перед естествоиспытателями, отправлявшимися в экспедиции, во многом совпадали с вопросами, содержащимися в анкетных перечнях⁸. Нельзя не согласиться с О.А. Александровской, специально изучавшей материалы анкетных обследований территории империи на протяжении XVIII в., в том, что анкеты и экспедиционные инструкции были инструментами обширной программы исследований, в основе которой лежало стремление к комплексному изучению империи в интересах ее экономического развития (Александровская, 1989, с. 99–103). Об известной взаимодополняемости текстов инструкций для экспедиций и анкет говорит и то обстоятельство, что в ряде случаев естествоиспытатели снабжались также анкетными вопросниками. Предполагалось, что все эти документы должны были служить им руководством при составлении собственных путевых описаний. В частности, к инструкции В.Ф. Зуева, направлявшегося в Херсон и далее в Крым в 1781 г., были приложены «запросные пункты», с которыми Географический департамент Академии наук обратился к наместничествам (Шебунин, 1936, с. 90–91). Кроме того, в процессе экспедиционных исследований 1760–1780-х гг. начальники отрядов часто пользовались методом анкетирования для получения тех или иных сведений (как и Г.Ф. Миллер во время экспедиции 1733–1743 гг.)⁹.

Что касается вопроса о непосредственной подготовке проекта текста генеральной инструкции для экспедиций, то по авторитетному мнению В.И. Осипова, этим непосредственно занимались П.С. Паллас и С.Г. Гмелин, которые в процессе работы пользовались рукописным дневником Д.Г. Мессершмидта, а также текстами инструкций, составленных для Второй Камчатской экспедиции. Представленный ими проект инструкции затем неоднократно обсуждался на заседании Конференции Академии и только после внесения целого ряда поправок и дополнений документ был утвержден (Научное наследие П.С. Палласа... 1993, с. 8).

«Экспедиции отправляются... полагая единственным предметом пользу общую государства и распространение наук», — указывалось в сводной инструкции (Фрадкин, 1950, с. 214). В частности, естествоиспытатели должны были «примечать все то, что в общежитии полезно и прибыль государству принести может» (Сухомлинов, 1875, с. 472). Анализ перечня вопросов, рекомендуемого для изучения, наглядно показывает, что наряду с выполнением естественнонаучной программы перед экспедициями были поставлены разнообразные практические экономико-хозяйственные задачи. Так, естествоиспытатели должны были стараться детально описать «экономия» населенных мест, т. е. приемы хозяйствования, промысловые занятия населения, торговлю, состояние дорог, особенности

⁸ О практике анкетного способа обследования территории и характере вопросов см.: Греков, 1929; Каменский, 1985; Никитин, 1950; Татищев, 1950, с. 79–95; Шапот, 1962 и др.

⁹ Об анкетах, составленных Г.Ф. Миллером, см.: Элерт, 1990, с. 16–41. Об анкете, составленной П.С. Палласом и И.Г. Георги, о серебросодержащих рудниках и заводах Нерчинского округа см.: Кудрявцев, 1935.

Одна из иллюстраций к первому тому «Путешествия по разным провинциям Российского государства» П.С. Палласа

бытового уклада, характер жилых построек и санитарное состояние тех населенных пунктов, которые лежали по пути следования экспедиционных отрядов. Им предписывалось обращать внимание на «местные ухватки» в способах землепользования и лесопользования, а также огородничества, садоводства; ловли рыбы, охоты; фиксировать технологические особенности таких производств, как мыловарение, выделка кож и др. Рекомендовалось собирать сведения о характерных заболеваниях, которыми страдали жители, и болезнях, распространенных среди домашнего скота, а также местных способах лечения и представлениях о целебных свойствах различных трав. От них ждали полезных рекомендаций по улучшению приемов хозяйствования, более эффективному экономическому использованию незаселенных территорий, сохранению лесных богатств, акклиматизации ценных в промышленном отношении растений, заимствованию полезных производственных и сельскохозяйственных технологий. Им рекомендовалось также собирать и зарисовывать различные орудия труда и инструменты, делая с них модели. Большинство вопросов, предлагаемых естествоиспытателям, начинались со слова «как»: «Каким образом в тамошних реках рыбная ловля производится?», «Как делается разных качеств мыло...?», «Каким способом гасятся лесные пожары?», «На какое употребление пользуются жители ... дикими вишнями?», «Описать обстоятельно тамошних диких лошадей; как их ловят, и к езде и к работе приучают?» и пр.

В связи с этими прикладными задачами, поставленными перед академическими экспедициями 1760–1780-х гг., стоит напомнить о том, что в начале 1760-х гг. Географический департамент Академии наук занимался сбором материалов и разработкой

генеральной карты российских продуктов, производимых в империи, как «натуральных», так и «рукодельных». На карте предполагалось показать размещение в географическом пространстве различных производств, направления сбыта продуктов, сеть путей сообщения как внутри государства, так и за его пределами. Хотя этот грандиозный проект не удалось полностью реализовать, был собран значительный материал, который составил основу для Экономического лексикона. Возможно, что между этим проектом Географического департамента и организацией экспедиций существовала непосредственная связь (Гнучева, 1946, с. 82–84).

Доходы, получаемые от внешней торговли, были важнейшим источником пополнения государственной казны. Именно поэтому на поддержание активного торгового баланса страны через контроль за перечнем и объемом вывозимых и ввозимых продуктов и товаров была ориентирована деятельность Комерц-коллегии и Комиссий о коммерции 1760-х гг.¹⁰ В связи с этим естествоиспытателям предписывалось выяснить, на каких территориях можно было бы со временем развести сарачинское пшено (или рис), хлопок, красильные травы, чтобы этими товарами, а не только зерном с прибылью торговать за границей (Сухомлинов, 1875, с. 473). Путешественникам также рекомендовалось описать особенности виноделия в Нижнем Поволжье, чтобы выяснить, почему приготовленное из местных сортов винограда вино заметно уступает европейским в сроках хранения. Проезжая по территории империи, они должны были «высмотреть и описать все места, где по выгодности их положения и по состоянию климата в сравнении с европейскими странами заведены быть могут виноградные сады, тутовые и каштановые деревья», а также и «бугристые места, которые по их положению, по качеству растущей на них травы и по прочим натуральным выгодам и обстоятельствам к заведению овчарных заводов удобны быть могут» (Сухомлинов, 1875, с. 474–475).

Они должны были также «учинить опыты» приготовления водки, чтобы в случае успеха государство могло «соблюсти знатную сумму денег, которая ежегодно выходит на французскую водку».

Снабдив их двумя видами соли «гишпанской» и «илецкой», Комерц-коллегия рекомендовала естествоиспытателям на месте «подумать о способах, какие служить могут к приготовлению такой соленой рыбы, чтоб годилась в отпуск к портам и за море». Описывая «свойства климата, преимущества и недостатки земли к хлебородию», им от ВЭО предписывалось выяснить не только «в каком состоянии находится хлебопашество» в разных районах империи, но и сравнить эти методы сельскохозяйственного производства с теми, которые обычно применялись в центральных и северо-западных районах (около Санкт-Петербурга и Москвы) с точки зрения их хозяйственной эффективности (Сухомлинов, 1875, с. 476). Интересовало Комерц-коллегию и состояние казенных фабрик по производству поташа, который использовался для мыловарения и активно экспортировался за границу. Естествоиспытателям предлагалось выяснить, как «казна приходящую от фабрик прибыль без истребления годных лесов получать могла» (Сухомлинов, 1875, с. 480).

Как мы увидим в дальнейшем, европейская традиция составления путевых описаний, а также подробный перечень ведомственных рекомендаций практического характера сфокусировали «взгляд» естествоиспытателей определенным образом и в значительной мере определили структуру текстов путевых описаний академических экспедиций половины XVIII в. и их содержание.

¹⁰ О внешнеторговой политике в первой половине XVIII в. и в царствование Екатерины II см.: Козлова, 1999; Фирсов, 1902.

Картуш карты Владимирского наместничества, входящей в состав Российского атласа 1792 г. Из рогов изобилия высыпаются вишни.

Источник: Финягина Н.И. Сюжетные картуши Российского атласа 1792 г. (М., 2006. С. 93).

Несмотря на то что тексты описаний достаточно хорошо известны и к ним многократно обращались исследователи, все же считаю необходимым остановиться подробнее на рассмотрении некоторых общих особенностей их структуры, содержания и характерной стилистике, а также на обстоятельствах, их определивших. Прежде всего, отмечу, что, построенные по маршрутному принципу, эти тексты фактически были не чем иным, как подробными путевыми дневниками. Известно, что составление дневников, или «дневниковых записок», было обязанностью начальников отрядов. Они должны были регулярно записывать туда сведения о том, что встречалось достойного примечания с точки зрения поставленных перед ними задач, а также свои мнения и комментарии по тому или иному поводу. Напомню, что кроме ведения дневника естествоиспытатели регулярно отправляли в Академию свои рапорты и собранные во время путешествия материалы, а также вели интенсивную переписку со своими коллегами, которые находились как в России, так и за границей.

Достоверности и точности (как писали авторы записок, «истинности») наблюдений и составляемых описаний придавалось особое значение. Так, например, Паллас в предисловии к своему труду «Путешествие по разным провинциям Российского государства...» писал:

«...я старался все надлежащее наблюдать... Думаю, что главным свойством описания путешествия почитается достоверность, и я старался по возможности наблюдать оную, как в моих собственных примечаниях, так и в собранных известиях, не отступая нигде от истины...» (Паллас, 1773, предисловие).

Лепехин, начальник другого отряда, «старался изобразить все, что его мнению примечания достойным казалось», «соответствуя приказаниям разных правительств...» (т. е. Коллегий. — А.Б.). В текстах своих экспедиционных описаний авторы часто оговаривали, что именно из того, о чем они упоминали, видели лично, а что узнали из каких-то других источников.

Если в период подготовки экспедиций предполагалось, что путешественники будут иметь некоторое время для обработки собранных ими материалов после своего возвращения из путешествий и готовить их к печати уже в кабинетных условиях, на деле все оказалось по-другому. Естествоиспытателям, находившимся на маршрутах, неожиданно сообщили, что по завершении первого года путешествия они должны будут прислать в Петербург тексты своих путевых дневников, уже подготовленные для публикации¹¹.

Тексты предисловий, составленные естествоиспытателями к изданиям первых томов путевых записок, и особенно личная переписка, содержат острую реакцию авторов на перемены, которые поставили их в довольно трудное положение. Вынужденные согласиться на публикацию фактически черновых подготовительных материалов, они тем самым неизбежно ставили под удар свою репутацию как в ученом сообществе, так и при дворе. Посвящая свои труды или императрице Екатерине II, как Паллас и Гмелин, или графу В.Г. Орлову (в то время директору Академии наук), как Лепехин, они рассчитывали на покровительство и защиту, дипломатично разъясняя, что не могут нести ответственности за то, что публикации их трудов форсируются и в результате они могут заслужить вполне справедливую критику. Так, Паллас в предисловии к первому тому своего труда осторожно сетовал на недостаток времени, что лишило его возможности поработать над литературным слогом своего сочинения¹². Если публично он писал о таком неприятном для него повороте событий дипломатично, то в частном письме к Г.Ф. Миллеру он с досадой высказывался вполне откровенно:

«Я уже смирился с тем, что мое описание путешествия окажется никуда не годным; да и как может более или менее хорошо получиться столь незрелая работа при беспокойном образе жизни, каковой мы ведем, и вдобавок, при отсутствии всякой помощи. Я сомневаюсь даже в моем стиле, поскольку уже с некоторых пор прихожу от всего в отчаяние. Более того, я сжег бы все написанное, если бы оно не было обречено появиться в свет. Ведь только в Академии рождают сочинения приказным порядком»¹³.

Поставленные в трудные условия в отношении издания своих путевых записок естествоиспытатели, конечно, не только прибегали к высокому покровительству, но сами отстаивали свое ученое реноме. В частности, они старались по возможности приберечь на будущее и не публиковать сразу те ценные в научном отношении материалы, которые они рассчитывали обработать и подготовить к печати позднее. В дальнейшем они издавали специальные научные труды, которые принесли им заслуженную славу и известность, а также помещали отдельные статьи в периодических академических изданиях, где сообщали о своих естественнонаучных открытиях и готовили специальные брошюры прикладного характера. Все это позволяет объяснить существование заметных лакун в текстах описаний академических экспедиций, а также существенное

¹¹ Об этом, например, см.: Гмелин, 1771, предисловие.

¹² См.: Паллас, 1773, предисловие.

¹³ См.: Паллас П.С. — Г.Ф. Миллеру, 3 апреля 1770 г., Уфа (Научное наследие... 1993, с. 118).

Картуш карты Калужского наместничества, входящей в состав Российского атласа 1792 г.

Посвящен экономической жизни и природным условиям территории.

Источник: Финягина Н.И. Сюжетные картуши Российского атласа 1792 г. (М., 2006. С. 87).

преобладание географических, естественнонаучных, экономико-хозяйственных примечаний общего характера.

Необходимость форсировать издание дневниковых записок естествоиспытателей, несомненно, повлияла на характер опубликованных текстов, в особенности тех томов, которые издавались первыми. Находясь в состоянии стресса и напряжения из-за недостатка времени, естествоиспытатели оставляли при редактировании текстов своих дневников описания таких деталей, которые при других обстоятельствах в окончательный вариант текста, возможно, уже не были бы включены.

Соперничество между начальниками экспедиционных отрядов также повлияло на выбор объектов, описание которых естествоиспытатели считали необходимым поместить в своих путевых дневниках. Паллас писал по этому поводу в своем рапорте: «Нет ничего более неприятного, как поделить в конце утомительного путешествия его плоды, а именно наблюдения и собранные достопримечательности, с кем-то другим, либо же обнаружить, что самое лучшее кто-то себе уже зарезервировал»¹⁴.

Несмотря на то, что начальники отрядов старались по возможности «не перебежать друг другу дорогу», по словам Палласа, все же избегать неприятных объяснений и столкновений, конечно, не удалось. Хотя бы потому, что на протяжении почти всего первого года путешествия экспедиционные отряды Палласа и Лепехина были вынуж-

¹⁴ См.: Паллас П.С. Рапорт № 25 в Академию наук (Научное наследие... 1993, с. 91).

дены двигаться по одним и тем же путевым маршрутам, на которые им были выданы из Ямской канцелярии одинаковые подорожные. Тексты описаний содержали многочисленные трафаретные объяснения, почему тот или иной объект, достойный подробного описания, упоминался лишь вскользь или не рассматривался вовсе. Ссылались обычно на то, что другой путешественник уже следовал этим маршрутом и должен был составить описание всех значимых и достойных внимания предметов и явлений¹⁵.

Таким образом, «взгляд» естествоиспытателя, его способ видения и манера поведения о том, что и как он видел, становились важнейшим исследовательским инструментом. Точность и оптические возможности этого «инструмента» определялись различными факторами: способностью к восприятию, подготовленностью, опытом, работоспособностью. Имело значение и владение языками, и знание местных обычаев. Немаловажно было умение наладить работу своих подчиненных — членов отряда, эффективно используя потенциал и возможности каждого сотрудника для достижения главной цели — сбора определенных сведений, фиксации наблюдений, «достойных примечания», и составления сводного текста описания.

Характерные особенности и приемы описаний территорий, проживающих там жителей и их занятий

Следуя данным им рекомендациям, авторы путевых записок с особой тщательностью описывали особенности традиционной системы землепользования в разных частях империи и орудия, которые использовались местными жителями для обработки земли. Описания плотно населенных областей и активной хозяйственной деятельности их жителей оказывались в центре повествования и были более привлекательными, чем описания мест, неосвоенных и поэтому рассматриваемых как «дикие». В частности, и Лепехин, и Паллас подробно останавливались на крестьянском «образе пахания и посева», который они наблюдали, проезжая по дороге из Петербурга в Москву, а затем по центральным губерниям империи по пути из Москвы в Арзамас. В частности Паллас сообщал о том, что от Петербурга до Чудово «показывается мало достопамятного»: земля низкая и болотистая, селений попадает мало, а растет густой еловый и березовый смешанный лес. Он отмечал постепенную смену ландшафтов, расположенных вдоль почтового тракта за Чудово, где появлялись населенные деревни, хорошие луга, поля, засеянные хлебом (Паллас, 1773, с. 4–5).

Жители центральных и северных губерний представляли в описаниях Лепехина неутомимыми тружениками, которых не слишком плодородные почвы заставляли постоянно заботиться об их улучшении. Они противопоставлялись крестьянам, живущим в южных губерниях с более благоприятным климатом, не требующим от них таких вложений труда (Лепехин, 1771, с. 61–62). Лепехин в своих записках поэтизировал крестьянский труд, описывая его в духе сентиментализма. В частности, сцену сенокоса,

¹⁵ О совпадении маршрутов отрядов Палласа и Лепехина на протяжении первого года путешествия и острой реакции Палласа на это обстоятельство см.: *Паллас П.С.* Рапорт № 9 в Академию наук (Научное наследие... 1993, с. 26–27). О решении Академической комиссии затребовать для путешественников новые подорожные, где бы не был точно прописан маршрут следования каждого отряда, также см.: *Научное наследие... 1993, с. 203.* О соперничестве Палласа и Лепехина также см.: *Летопись... 2000, с. 571; Козлов, 2003, с. 53.*

которую он наблюдал, проезжая мимо села Киржачи, расположенного около города Клина недалеко от реки Клязьмы, автор «Дневниковых записок» представил так: «Столь нам жалостно было смотреть на сенокосцев, истребляющих предмет нашего упражнения, столь приятен был вид трудящихся сельских жителей. Всякий тут со своим семейством прилагал труды к трудам и сельские нимфы облегчали труд возлюбленных для их предметов простым своим пением, спешествуя при том силе своей и общим семейства нуждам» (Лепехин, 1771, с. 8).

В текстах описаний содержались рекомендации о том, какими способами можно повысить экономический потенциал отдельных территорий. Описывая богатую, но при этом малонаселенную территорию Поволжья, Паллас предлагал проекты по ее заселению посредством перемещения туда крестьян из центральных и северо-западных губерний империи. Он считал, что хозяйственная обработка степей в районе рек Самары и Кинеля и распространение там пашенного земледелия может сделать благополучными и счастливыми многие тысячи переселенцев:

«Дикая степь по большей части обросла высокой травой, и везде можно в одной завести пашни, так что в сей здоровой и плодородной стране можно бы поселить еще несколько тысяч крестьян, коих бы труды богато награждались. Все переведенные сюда из многолюдно населенных стран России поселяне, в числе коих находится много мордвы, живут благополучно, да и многие другие земледельцы, в северных частях России стесняясь живущие и тощую пахотную землю имеющие, могли бы в сих тучных степях сделаться счастливыми» (Паллас, 1773, с. 310).

Лепехин, описывая малолюдные болотистые места, расположенные недалеко от города Клина, по которым было трудно проезжать, предлагал заняться их осушением и использовать известь для удобрения почв, что, по его мнению, могло в скором времени превратить эту территорию из заброшенной в богатую и процветающую (Лепехин, 1771, с. 4)¹⁶. В другом месте он замечал, что крестьяне редко бывают довольны пахотной землей и «везде жалуются на недостаток оной, хотя нередко пред глазами их лежат обширные места, годные ко всякому плодородию». Имея в виду заболоченные территории, Лепехин писал о той пользе, которую могло бы принести их осушение:

«...Они не только бы с избытком могли наградить труд тучною пашнею, но и много бы способствовали к прекращению других вредностей, какие как сами крестьяне, так и скот в рассуждении здоровья чувствуют; не упоминая о препятствии в росте лесов ...» (Лепехин, 1771, с. 63).

Таким образом, распространение практики осушения заболоченных территорий рассматривалось, говоря современным языком, как эффективный способ улучшения климатических условий, и должно было способствовать более эффективному использованию пахотных и лесных угодий. Введение этих территорий в посевной оборот могло если не вытеснить, то хотя бы приостановить дальнейшее распространение традиционной сельскохозяйственной практики подсечного земледелия, которая сопровождалась варварским (по мнению естествоиспытателей) истреблением лесов. Эта традиционная культура крестьянского землепользования описывалась и Лепехиным, и Палласом, исключительно как вредная с точки зрения сохранения лесных богатств и их эффективного использования для нужд государства. В частности, Паллас писал в Академию наук в одном из отчетов:

¹⁶ О необходимости осушения болотистых почв на территории Белоруссии см. в отчетах Лепехина из путешествия 1773 г.: Таранович, 1935, с. 559.

«Глаз, привыкший к экономному отношению к дереву в лесах за рубежом, не может без огорчения смотреть на то, как здесь бездарно опустошают лес и всякий бескорыстно радеющий о благе страны, несомненно бы пожелал, чтобы по крайней мере запретили повсеместно исключительно вредное и пагубное выжигание деревьев»¹⁷.

Оба естествоиспытателя — и российский поданный, получивший образование в университетах Европы, и уроженец Берлина, поступивший на российскую службу, — были солидарны в отстаивании государственных интересов, связанных с распространением рациональных методов хозяйствования. При этом вопрос о том, что тем самым могли ущемляться интересы местных пользователей земельных и лесных угодий, ими вообще не ставился.

Считая, что крестьяне небрежливо относятся к лесным угодьям, естествоиспытатели описывали их как главных вредителей, по недомыслию истребляющих столь нужные государству ценные породы деревьев, которые могли бы быть выгодно использованы при строительстве флота, изготовлении дегтя, а также и для развития других важных и прибыльных для государства отраслей производства. Как вредное злоупотребление описывался, например, крестьянский промысел плетения лаптей из липы и предлагались следующие пути рационализации лесного промысла в целом:

«Крестьянский прибыль от промыслу лаптей знатен быть не может. Где довольно липового леса, там крестьянин получит за лапти одну копейку, и много три деньги, но если он время потребное для плетения лаптей употребит на другой какой лесной промысел, как на приготовление из листов саж, золы для поташу, на собиране серы с сосен, елей, от которой другие государства, лесами не так богатые, как мы, знатную получают прибыль; то без сомнения с общенародную пользою и свою прибыль умножит» (Лепехин, 1771, с. 64–65).

Свои призывы просветить и воспитать крестьян в духе рационального использования естественных богатств естествоиспытатели обращали к помещикам:

«Сколь много бы было опоры нашим лесам, если бы крестьянам помещики чаще внушали будущую его надобность и истребляли столь вредную у них поговорку: По наш век будет, а после нас хотя трава не расти» (Лепехин, 1771, с. 64).

В. Зуев, проезжая в окрестностях Калуги по пути в Херсон в начале 1780-х гг., отмечал, что местные помещики взялись за воспитание своих крестьян и, последовав «московскому примеру, которым тамошние помещики приказывают своим попам ежегодно обходить лесные дачи с образом и святою водою и заклинать того, кто дерзает возложить секиру на дерево, совершенного своего росту недостижшее». Далее он с удовлетворением восклицал: «Учреждение весьма разумное для людей богобоязненных!» (Зуев, 1787, с. 49–50).

Обращает на себя внимание, что в общей структуре описания конкретного населенного пункта или области заметно преобладали сведения, касающиеся занятий местных обывателей. В частности, при описании города Владимира большое внимание было уделено подробному рассмотрению приспособлений, с помощью которых жители охраняли спелую вишню от птиц в своих садах, а при описании Муромы — доходному «огуречному

¹⁷ См.: Паллас П.С. Рапорт № 4 в Академию наук (Научное наследие ... 1993, с. 31). Похожую точку зрения Лепехина на этот предмет см.: Лепехин, 1771, с. 63–64.

промыслу» (Лепехин, 1771, с. 12–13, 38). В путевые описания включались подробные экскурсии о том, как осуществлялся промышленный лов рыбы на Волге и в других реках и озерах, как получали поташ и варили мыло, вымачивали и скручивали пеньку, выделывали кожи, изготавливали краску и красили ткани, — этим описаниям посвящались многие десятки страниц.

Свою задачу авторы видели в том, чтобы посредством подробного описания технологических процессов сделать их очевидными, видимыми и убедить читателей, что нет и не должно быть никаких секретов, тайн и «потаенных средств» в организации тех или иных производств и промыслов¹⁸. Причем, рассматривая местные особенности различных производств, естествоиспытатели сравнивали их и пытались выяснить, почему одним производителям те или иные производства удаются лучше, чем другим. При попытках выведать *know-how* им, по-видимому, часто приходилось наталкиваться на противодействие преуспевающих владельцев, которые не были заинтересованы в разглашении своих секретов.

Подмечая упущения и недостатки, они делились своими соображениями с владельцами, но их советы принимались во внимание далеко не всегда. Так, Паллас, предлагая владельцам винодельческих промыслов в Поволжье внести некоторые изменения в процесс производства, которые, по его мнению, могли бы значительно улучшить качество производимого вина, не встретил понимания.

«Хозяев больших винных заводов не мог я уверить о худобе сего дела, — писал он. — Но они еще думали опровергнуть справедливое мое мнение... Я умалчиваю о неисправностях, бываемых при заквашивании и в пропорциях. Как в сем, так и о многих других случаях, на учиненные мною предложения слышал я часто от искуснейших домостроителей следующий ответ: такое уже обыкновение. А закоренелые такие худые обыкновения и высочайшими указами истребить трудно» (Паллас, 1773, с. 133).

Описывая занятия местных жителей, естествоиспытатели смотрели на них с точки зрения общегосударственной пользы и прибыльности для государственного домохозяйства — так же, как они классифицировали зверей, птиц, рыб, пресмыкающихся, насекомых и растения. Причем характер и особенности местного домостроительства и «нравственность» обывателей, (то, что мы сегодня называем культурными и этническими особенностями), состояние их здоровья, рассматривались ими как факторы или способствующие, или, наоборот, затрудняющие ведение эффективного рационального хозяйства.

В путевых дневниках они обращали внимание на вредное влияние некоторых технологических процессов на качество воды и воздуха, которые в свою очередь могли представлять опасность для жизни и здоровья проживающих поблизости людей, а значит и повлиять на их работоспособность. Сообщая подробности об особенностях выделки пеньки из льна и конопли, которые состояли в том, что лен и коноплю предварительно вымачивали в отрытых водоемах, Лепехин указывал не только на вредные последствия, но и на характерные заблуждения, которые традиционно бытовали среди крестьян:

¹⁸ См., например, описание «порядка кожевенной выделки» в записках Лепехина: Лепехин, 1771, с. 38–43. Характерно, что он начинает повествование и завершает его ссылками на то, что «нет никакой тайны» в производственном процессе выделки и окраски кож, чему он сам неоднократно был свидетелем.

«Вредность промысла состоит в том, что предварительно ее вымачивают в реках и озерах, отчего гибнет много рыбы... и крестьяне, будучи сами тому причиной, по большей части такие случаи приписывают называемым от них волосатикам или воденикам. Мне помнится, что во многих местах, а особливо во Франции, такое в реках вымачивание под запретом» (Лепехин, 1771, с. 69–70).

Характерно, что при этом он апеллирует к европейскому опыту решения проблемы. Описывая в другом месте организацию кожевенного и мыловаренного производств в Арзамасе, Лепехин обращал внимание на то, что они отрицательно сказались на состоянии воды и воздуха в городе, и предлагал меры по улучшению ситуации (Лепехин, 1771, с. 84–85).

В путевых описаниях содержались рекомендации по благоустройству быта крестьян и городских мещан. В частности, хорошо знакомые с европейским опытом естествоиспытатели были убеждены в целесообразности использования камня вместо дерева при строительстве домов и дорог. Они старались развеять предрассудки, связанные с традиционными представлениями о вредном воздействии каменных жилищ на здоровье людей, в них проживающих, показать преимущества каменных сооружений и указать на удобно расположенные поблизости месторождения необходимых для строительства природных материалов¹⁹. По их мнению, изменение планировки традиционной застройки селений и городов, заведение необходимого инвентаря для тушения пожаров, меры по укреплению берегов рек, подмываемых сильным течением воды, должны были предохранить местных жителей от обнищания в результате возможной потери собственности во время пожара или наводнения.

Собирая сведения об особенностях хозяйствования, перерабатывающих производств и промыслов, естествоиспытатели не могли полагаться только на свои непосредственные наблюдения. Как уже упоминалось, им нужна была разного рода поясняющая и уточняющая информация, которую они могли получить только с доброго согласия как местных властей, так и жителей.

Как относились местные обыватели к тем, кто, совершая свое длительное путешествие по территории империи, пользовался их гостеприимством и различными услугами, расспрашивал о порядке ведения хозяйства и организации различных производств и промыслов и щедро давал полезные советы о том, как все это можно улучшить и благоустроить во имя общегосударственной пользы и счастья подданных? Первые тома дневниковых записок естествоиспытателей содержат немало свидетельств не только о плодотворном взаимном сотрудничестве, но и об очень настороженном, а порой откровенно враждебном отношении к ним как губернских администраций, так и простых обывателей. Успех в получении необходимых сведений во многом зависел от умения наладить доверительные отношения, найти подход и правильный тон в разговоре с местными жителями. Несколько таких сценариев, как успешных, так и не очень удачных, представил в своих «Дневных записках» Лепехин.

В частности, он описывал, как ему и его сотрудникам удалось собрать подробные сведения об орудиях лова и других охотничьих приспособлениях. Проезжая село Ликино близ Муром, члены экспедиции оставили извозчиков кормить лошадей,

¹⁹ Об этом, например, см. в очерке, посвященном Арзамасу: Лепехин, 1771, с. 71. О большом количестве булыжника на полях, расположенных вдоль дороги от села Зайцево до Крестецкого яма на пути из Петербурга в Москву, которым можно было бы замостить дорогу см.: Паллас, 1773, с. 10.

а сами отправились пешком. Встретив крестьянина, пахавшего около болота, они разговорились с ним и стали расспрашивать о животных, которые водились в окрестных лесах. У собеседника, которому было скучно, хотелось с кем-то поговорить и похвастаться своими охотничьими победами, члены экспедиции между тем узнали о традиционных орудиях лова, используемых в местном охотничьем промысле. Интересно, что в своих «Дневниковых записках» Лепехин почти дословно пересказал свой диалог с «мужичком», как он его назвал (Лепехин, 1771, с. 30–34).

Описал Лепехин и другой, уже менее удачный пример своего общения со старушкой-знахаркой, проживавшей близ города Владимира. Поначалу все складывалось удачно. Лепехину и его сотрудникам удалось разговорить пожилую женщину — «сродницу эскулапову», которая стала рассказывать им о том, как нужно использовать целебную силу трав. Многое из того, что она говорила, было для дипломированного доктора медицины совершенно абсурдным и нелепым. В какой-то момент он не смог сдержаться и вступил в спор со своей собеседницей, о чем вскоре должен был пожалеть:

«Спор наш с начала был обоюдно горяч, но бабушка скоро опешила. Одержанная нами победа весьма была нам неприятна: ибо никто более бабушку к разговору склонить не мог, и мы нашей неосторожностью лишились случая испытать сокровенная владимирской лечебницы. Она еще более находилась в трусости, когда от бывших у меня солдат спроведала, что я принадлежу также к числу врачей и стороною старалась нас уверить, что рассказала слышанное, а сама никого не лечит. Сей случай сделал меня осторожным, чтобы никогда не сказываться доктором между чернью, но употреблять мой академический чин» (Лепехин, 1771, с. 17).

Лепехин постарался учесть свои промахи при встрече с другим местным врачом-лечителем, которого он прозвал «арзамасским иппократом». Согласившись быть «соучастником его премудрости» и набравшись терпения, он совершил с ним продолжительную ботаническую экскурсию по окрестностям и уже бесстрастно выслушивал все, что говорил ему провожатый. Отдельные фрагменты их беседы он включил затем в текст своих записок, снабдив своими комментариями, в которых постарался отделить фантазии и заблуждения от действительно полезного практического знания о целебных свойствах трав и способах их использования местными жителями (Лепехин, 1771, с. 72–79).

Заключение

Исследование специфики текстов описаний академических экспедиций — уникальных памятников XVIII в. — подробное изучение их структуры и стилистических особенностей повествования, истории создания текстов дневников и записок, их публикации и последующего обращения в разных интеллектуальных средах позволяет приблизиться к пониманию особой логики концепции «государственного домохозяйства», которая, заметно отличаясь от современных представлений о характере отношений человека и природы, в значительной степени определяла как ученые, так и бюрократические практики того времени.

Анализ процесса формирования программ экспедиций и их практической реализации позволил проследить влияние бюрократических практик и процедур на производство камерального естественнонаучного знания. Если Академия наук выступала

в роли посредника интересов различных государственных ведомств, то естествоиспытатели, отправленные в экспедиции для исследования обширной территории, становились агентами имперской экономической политики и колонизации. Причем именно эта роль (а не место рождения) определяла их видение обследуемых территорий и населения, там живущего. «Взгляд» естествоиспытателей оказывался двойственным и противоречивым. С одной стороны, это был «взгляд» просвещенного европейца-космополита, который на опыте был знаком с преимуществами цивилизации и просвещения и с чувством некоторого превосходства пристально изучал примитивный, с его точки зрения, хозяйственный и бытовой уклад местных аборигенов и предлагал проекты по его рационализации. С другой — это «взгляд» патриотический, в котором нашли отражение интересы и идеология формирующегося национального государства.

Проезжая по дорогам империи, естествоиспытатели на месте уточняли и описывали, кто жил в той или иной местности, «чем питался» с земли или промыслов, что и как производил. Пользуясь данными им полномочиями, они выступали в роли экспертов, оценивая возможный сельскохозяйственный, животноводческий и промысловый потенциал незаселенных территорий, эффективность использования природных богатств местными жителями, рациональность организации различных производств и домохозяйства.

Собирая сведения об особенностях хозяйствования, перерабатывающих производств и промыслов, естествоиспытатели не только опирались на свои непосредственные наблюдения, но и старались получить разнообразную информацию как от местных властей, так и от жителей. Их «взгляд» оказывался скорректирован различными материалами, которые предоставлялись губернскими канцеляриями в ответ на поступающие к ним запросы, а также объяснениями и рассказами, которыми их снабжали встречающиеся им в путешествии местные обыватели. Анализ экспедиционных описаний позволил увидеть, насколько их авторы зависели от расположения к ним обывателей, от их желания или нежелания идти на контакт, делиться своими знаниями.

Местные жители классифицировались и описывались естествоиспытателями в рамках мира природы. Причем их хозяйственная и промысловая деятельность часто рассматривалась естествоиспытателями как неэффективная, а порой и вредная с точки зрения государственной пользы. Свои предложения по улучшению бытового уклада населения, воспитания крестьян и городских обывателей в духе экономного природопользования, а также рациональной организации сельскохозяйственной и промысловой деятельности естествоиспытатели адресовали к помещикам. Характер этих предложений был очень созвучен направлениям деятельности ВЭО, целью которого было «исправление земледелия и домостроительства» путем распространения сведений об «остроумных изобретениях» и «полезных распоряжениях». Характерно, что и публикационная деятельность ВЭО по просвещению российских помещиков, и деятельность Академии наук по изучению и описанию территории империи во второй половине XVIII в. носили просветительский и рекомендательный характер и почти не влияли на практическую хозяйственную деятельность²⁰.

Работа по описанию местных особенностей хозяйствования, организации промысловой и производственной деятельности в конечном счете способствовала рационализации и стандартизации сельскохозяйственного, ремесленного и промыслового прикладного знания, а также их особых методов и приемов. Только тогда, когда эти

²⁰ О деятельности ВЭО, ее результатах и формировании публичной сферы в России см.: Leskey, 2002, 2005; Веселова, 2004; Смахина, 2007.

приемы хозяйствования и производства были детально описаны как система последовательных операций, они могли быть улучшены, заимствованы и успешно внедрены в практику уже в другом месте. Чарльз Джиллиспи, определяя этот период в развитии производства как естественно-исторический (*natural history of industry*), видел характерную особенность соотношения между наукой и производством в XVIII столетии в том, что с помощью точного и последовательного описания искусства и ремесла изымались из области повседневных традиций (часто невербализованных) и постепенно включались в общую систему теоретического знания. Он предлагал рассматривать эти описания как неотъемлемую часть утопического проекта Просвещения с его верой в прогрессивное развитие человечества и убеждением в исключительной значимости научного рационального объяснения для всеобщего просвещения и улучшения жизни (Gillispie, 1957, p. 405).

Экспедиционные описания территории империи наряду с другой научной и учебной литературой, а также различные изображения, иллюстрации и картуши на картах и атласах постепенно закрепляли за каждой отдельной местностью определенную экономическую специализацию — ту, которая считалась выгодной с позиций общегосударственной пользы²¹. Они придавали значимость тем или иным хозяйственным и промысловым занятиям, а также производимым продуктам в масштабе хозяйства как отдельных селений, областей и регионов, так и империи в целом, тем самым символически закрепляя за ними определенные природные и экономические особенности.

Результатом этой интенсивной издательской деятельности стало то, что идея о необходимости рационализации и модернизации всех сфер государственного домохозяйства на научной основе во имя всеобщего блага стала значимым фактом общественного сознания. Так в Российскую империю пришла так называемая научная революция, распространение которой было связано не только с заимствованием и переносом знаний и культурных практик, но и с интенсивным развитием российской интеллектуальной среды²².

Литература

Александровская О.А. Становление географической науки в России в XVIII веке. М.: Наука, 1989. 232 с.

Артемьева Т.В. К. Линней и его интеллектуальные связи с Россией // *Философский век. Альманах*. Вып. 33. Карл Линней в России / отв. ред. Т.В. Артемьева, М.И. Микешин. СПб.: СПб Центр истории идей, 2007. С. 55–69.

Берг Л.С. Очерки по истории русских географических открытий. М.; Л.: Изд. АН СССР, 1946. 287 с.

Веселова А. Вопросы «земледелия и домостроительства» в деятельности Императорского вольного экономического общества // *Отечественные записки*. 2004. № 1 (16). <http://www.strana-oz.ru/?numid=168&article=755> Последнее посещение 12.12.2010.

Гмелин С.Г. Путешествие по России для исследования трех царств естества: пер. с нем. Ч. 1: Путешествие из Санкт-Петербурга до Черкаска... СПб., 1771. [8], 272.

Гнучева В.Ф. Географический департамент Академии наук XVIII века / под ред. А.И. Андреева. М.; Л.: Изд. АН СССР, 1946. 445 с.

²¹ Например, см.: Финягина, 2006, с. 20–24.

²² О теории научной революции и истории науки в России см.: Renner, 2007.

Греков Б.Д. Опыт обследования хозяйственных анкет XVIII века // Летописи занятий археографической комиссии за 1927–1928 гг. Л., 1929. Вып. 35. С. 39–104.

Зубов В.П. Историография естественных наук в России. XVIII в. — первая половина XIX в. М.: Изд-во АН СССР, 1956. 576 с.

Каменский А.Б. Историко-географическая анкета В.Н. Татищева // Советские архивы. 1985. № 5. С. 38–41.

Каримов А.Э. Докуда топор и соха ходили. Очерки истории земельного и лесного кадастра в России XVI — начала XX века. М.: Наука, 2007. 238 с.

Карл Линней: сб. ст. М.: Изд-во АН СССР, 1958. 258 с.

Козлов С.А. Русский путешественник эпохи Просвещения. СПб.: Историческая иллюстрация, 2003. 495 с.

Козлова Н.В. Российский абсолютизм и купечество в XVIII в. (20-е — начало 60-х годов). М.: Археографический центр, 1999. 384 с.

Колчинский Э.И., Сытин А.К., Смагина Г.И. Естественная история в России (очерки развития естествознания в России в XVIII веке). СПб.: Нестор-История, 2004. 242 с.

Кудрявцев Ф.А. Из истории изучения Забайкалья. (Материалы об экспедиции Палласа и Георги) // Архив истории науки и техники. 1935. Вып. 5. С. 569–577.

Лепехин И.И. Дневные записки путешествия по разным провинциям Российского государства в 1768 и 1769 годы. Ч. 1. СПб., 1771. 538 с.

Летопись Российской Академии наук. Т. 1. 1724–1802 / под ред. Н.И. Невской. СПб.: Наука, 2000. 994 с.

Линней К. Наставление путешествующему / с лат. на рус. яз. перевел Василий Рубан. СПб., 1771. [8], 44 с.

Научное наследие П.С. Палласа. Письма. 1768–1771 гг. / сост. В.И. Осипов. СПб.: Тиаид, 1993. 250 с.

Никитин Н.П. Зарождение экономической географии в России. Обзор материалов // Вопросы географии. 1950. Сб. 17. С. 43–104.

Куприянов А.В. От естественной истории к биологии: изменение представлений о природе у натуралистов и смена установок в школьных учебниках // Человек. Природа. Общество: актуальные проблемы: мат-лы VIII Междунар. конф. молодых учен. 22–28 дек. 1997 г. СПб.: Изд-во СПбГУ, 1997. С. 271–276.

Куприянов А.В. Развитие принципов систематики в XVII–XVIII вв.: дис. ... канд. биол. наук. Санкт-Петербург, 2005. 229 с.

Паллас П.С. Путешествие по разным провинциям Российской империи. Ч.1. СПб., 1773. 10, 657, 117 с.

Пименов В.В., Эпштейн Е.М. Русские исследователи Карелии (XVIII в.). Очерки. Петрозаводск: Госиздат Карел. ССР, 1958. 195 с.

Путешественные записки Василия Зуева от Санкт-Петербурга до Херсона в 1781 и 1782 г. СПб., 1787. [2], 273, [1].

Раев М. Регулярное полицейское государство и понятие модернизма в Европе XVII–XVIII веков: попытка сравнительного подхода к проблеме // Американская русистика: вехи историографии последних лет. Императорский период: антология / сост. М. Дэвис-Фокс. Самара: Самарский университет, 2000. С. 48–79.

Смагина М.В. Хозяйственный рационализм остзейских и русских образцовых инструкций второй половины XVIII в.: опыт изучения Трудов Императорского вольного экономического общества // Г.Ф. Миллер и русская культура / отв. ред. Д. Дальмани и Г.И. Смагина. СПб.: Росток, 2007. С. 198–211.

Столянский П.Н. Материалы к истории русской литературы и науки в XVIII веке. Вып. 1. Опыт библиографического указателя книг по географии, изданных в России в царствование императрицы Екатерины II (1762–1796). Оренбург, 1905.

Сухомлинов М.И. История Российской академии. СПб., 1875. Вып. 2. X. 584 с.

- Таранович В.П.* Экспедиция академика И.И. Лепехина в Белоруссию и Лифляндию в 1773 г. // Труды Института истории науки и техники. 1935. Сер. 1. Вып. 5. С. 535–568.
- Татищев В.Н.* Избранные труды по географии России. М.: Географгиз, 1950. 248 с.
- Тихомиров Г.С.* Библиографический очерк истории географии в России XVIII века. М.: Наука, 1968. 134 с.
- Финягина Н.П.* Сюжетные картуши Российского атласа 1792 года. М.: ФГУК «Государственный исторический музей», 2006. 127 с.
- Фирсов Н.Н.* Правительство и общество в их отношениях к внешней торговле России в царствование императрицы Екатерины II. Очерки изучения торговой политики. Казань, 1902. [4], IV, 371, [9] с.
- Фрадкин Н.Г.* Инструкция для академических экспедиций 1768–1774 гг. // Вопросы географии. 1950. Вып. 17. С. 213–217.
- Фрадкин Н.Г.* Путешествия И.И. Лепехина, Н.Я. Озерецковского, В.Ф. Зуева. М., 1948. 95 с.
- Шанот Е.Г.* Анкеты В.Н. Татищева как источник по истории Сибири // Проблемы источниковедения. 1962. Т. 10. С. 134–153.
- Шебунин А.Н.* Русское Черноморье 70–80 гг. XVIII в. и Академия наук (труды А.И. Гильденштедта и В.Ф. Зуева) // Труды Института истории науки и техники. М.; Л., 1936. Сер. 1. Вып. 8. С. 75–109.
- Щербинина Н.Н.* Представления о природных ресурсах в России: XVIII век: автореф. дис. ... канд. геогр. наук. М., 2005. 25 с.
- Элрт А.Х.* Экспедиционные материалы Г.Ф. Миллера как источник по истории Сибири. Новосибирск: Наука, 1990. 247 с.
- Bodeker H.E.* On the Origins of the “Statistical Gaze”: Modes of Perceptions, Forms of Knowledge and Ways of Writing in Early Social Sciences // Little Tools of Knowledge. Historical Essays on Academic and Bureaucratic Practices / ed. by P. Beker and W. Clark. Michigan: Univ. of Michigan Press, 2001. P. 169–195.
- Gillispie C. Ch.* The Natural History of Industry // ISIS. 1957. Vol. 4. P. 398–407.
- Koerner L.* Linnaeus: Nature and Nation. Cambridge, Massachusetts and London: Harvard Univ. Press, 1999. 298 p.
- Leckey C.* Patronage and Public Culture in the Russian Free Economic Society // Slavic Review. 2005. Vol. 65. P. 355–379.
- Leckey C.* Provincial Readers and Agrarian Reform, 1760s–70s: The Case of Sloboda Ukraine // The Russian Review. 2002. Vol. 61. P. 535–559.
- Lowood H.E.* The Calculating Forester: Quantification, Cameral Science, and the Emergence of Scientific Forestry Management in Germany // The Quantifying Spirit in the 18th Century / ed. by T. Frangsmyr, J.L. Heilbron and Robin E. Rider. Berkley, Los Angeles, Oxford: Univ. of California Press, 1990. P. 315–342.
- Moon D.* The Russian Academy of Sciences Expeditions to the Steppes in the Late Eighteenth Century // SEER. 2010. Vol. 88. № 1/2. P. 294–236.
- Narrating the Arctic: A Cultural History of Nordic Scientific Practices* / ed. by M. Bravo and S. Sörilin. Canton MA: Science History Publications, 2002. 374 p.
- Pratt M.L.* Imperial Eyes: Travel Writing and Transculturation. London, N.Y.: Routledge, 1992. 257 p.
- Raef M.* The Well-Ordered Police State: Social and Institutional Change through Law in Germanies and Russia, 1600–1800. New Haven: Yale Univ. Press, 1983, 304 p.
- Renner A.* The Concept of the Scientific Revolution and the History of Science in Russia // Eighteenth-Century Russia: Society, Culture, Economy. Berlin: LIT Verlag, 2007. P. 357–369.
- Sorlin S.* Ordering the World for Europe: Science as Intelligence and Information as Seen from the Northern Periphery // Osiris. 2000. 2nd Series. Vol. 15. Nature and Empire Science and the Colonial Enterprise. P. 51–69.

Sorlin S. Science, Empire, and Enlightenment: Geographies of Northern Field Science // European Review of History — Revue européenne d'Histoire. 2006. Vol. 13. № 3. P. 455–472.

Visions of Empire: Voyages, Botany, and Representation of Nature / ed. by K.H. Reill and D. Ph. Miller. Cambridge: Cambridge Univ. Press, 1996, 358 p.

Studies of the Russian Empire by the expeditions of the 1760s–1780s: The “view” of naturalists and the formation of the concept of the state’s natural resources

A.V. BEKASOVA

St. Petersburg Branch, Institute for the History of Science and Technology RAS;
sasha.bekasova@gmail.com

The article deals with the process of the production of knowledge about the European part of the Russian Empire by the Russian Academy of Sciences expeditions of the 1760–1780s and the development of the concept of the state’s natural resources. The main focus of the article is the encounter and collision between the interests of the state bureaucracy and local practical knowledge. The practices of observation, description, and classification were efficient tools in regularizing and rationalizing natural resources, and contributed greatly to the emergence of new and distinctly modern attitudes towards natural resources.

Keywords: the making of state’s natural resources concept, utilitarian research program and production of knowledge about the Russian Empire, the Russian Academy of Sciences expeditions 1760–1780s.